

WORLDWIDE

WORLDWIDE

Атом. Космос. Человек

Мы находимся в особом переходном пункте человеческой истории и не просто потому, что хронологически отражаем календарь, потому что наш мир сам по себе меняется. Геополитические барьеры разорваны, и возникает новый мир. К сожалению, возникает этот новый мир в беспорядке и смятении.

I

Зачастую писатель своими произведениями предсказывает те или иные события нашего противоречивого мира. Сары-Озеки Чингиза Айтматова из романа "Буранный полустанок" перекликаются с реальными Сары-Озеками, где проводили ликвидацию ракет средней дальности, а "зона" братьев Стругацких – с чернобыльской зоной ликвидации последствий аварии на атомной электростанции. Шестидесятилетие освоения космоса, а также освоение фантастических, могучих сил мирного (и не только мирного) атома вывело человечество на новый, более пристальный взгляд на эти, уже реальные атрибуты века прошлого и века нынешнего. Хотелось бы, чтобы яблони нашего города, как пелось когда-то в песне, цвели не только на Марсе, но и оставляли свой цвет каждой весной на нашей многострадальной Земле.

Яблоня на обочине,
Опасны твои плоды.
Мне смыть бы
Водой проточной
Частицы ночной беды.
Каких же мы яблок съели,
В познание зайдя в тупик?
Какой ты на самом деле,
Если в беде велик?
Помню – конца апреля
Невыносимый миг.

В первый раз я поехал в Чернобыль в июне 1986 года и остался там на некоторое время. Я не видел в этом никакого подвига, мне все хотелось увидеть своими глазами, написать об этом. Выпустил книгу "Аист над Припятью" (на русском и украинском языках), подружился с поэтами и кинематографистами Украины, Белоруссии и России. В Казахстане был тот же Чернобыль, только он оказался растянут на 40 лет.

Я сам родом из тех мест. Родился в Кокчетаве, детство провел в Павлодаре, бывал в те детские годы и в Семее. В летнее время там были пугающие ветры, пыльные бури... А в Чернобыле я был три раза. Случилось так, как

случилось. Это моя судьба.

Стоять там было невозможно, можно было только двигаться перебежками. Это вообще было как в фильме абсурда, я сам свидетель. Открывается бункер, три-четыре человека в освинцованных фартуках, в основном солдаты, выбегают на десять секунд, сбрасывают рукавицами куски облома с крыши третьего энергоблока и... все – они на сутки дозу свою получили. Завтра опять те же 10 секунд. А в свободное время ловят в Припяти рыбу. Снимают с крючка, выбрасывают обратно в реку и снова ловят. И страшно, и элемент черного юмора, что ли.

Когда я стоял вместе с дезактиваторами на крыше третьего блока и смотрел на разрушенный взрывом четвертый блок, то физически ощущал, как хрупка оболочка души и тела, отделяющая все живое от гибели. Вышедший из повиновения мирный атом вызвал взрыв, равный примерно двум килотоннам. На моей родине, под Семипалатинском, и в американской Неваде регулярно были подобные взрывы, но на сотни килотонн. В чернобыльском лесу я наткнулся на погибшего лося. Радиация убила его уже после того, как он вышел из зоны. Этот лось, пораженные радиацией рыжие листья на деревьях, обилие отравленных яблок, забитые досками крышки колодцев...

Природа предъявляет человечеству свой жесткий счет.

В 1987 году в издательстве "Молодь" (г. Киев) на украинском языке вышла моя книга "Аист над Припятью" – "Бусел над Припятью". В ней еще до официального создания движения "Невада – Семей" мне удалось передать и боль нашего Казахстана, ибо радиация не знает границ и национальностей. За время, проведенное в Чернобыле, я многое увидел. Но самое сильное впечатление оставили даже не люди, а птица-аист, которая испокон веков была символом жизни и домашнего очага. Я увидел ее над Припятью. Она кружила над опасной водой и омертвевшим человеческим жильем и не могла понять, отчего вдруг все опустело? С суеверной тревогой наблюдал я за птицей – улетит или останется?

Аист над мертвым подворьем,

Будто бы сторож стоит.

Взглядом деревню обводит,

Память о прошлом хранит.

В окнах свет жизни он ищет,

Милые взоры детей...

Ветер над крышами свищет,

Ветер гуляет на крыше,

Ветер по комнатам рыщет,

Аист все это не слышит –

Ждет возвращенья людей.

Сделав еще несколько кругов и так, видно, ничего и не прояснив для себя, птица опустилась в гнездо на старом тополе. Опустилась! И это означало, что жизнь здесь вопреки всему не умерла. Она возвратится. С этого момента я

знал, как назову свою будущую книгу.

В Чернобыле все было на грани жизни и смерти. С перевесом в смерть. Я знал это и ехал туда. А уж если говорить о каких-то соображениях, то Чернобыль для меня был все равно, что Семипалатинский полигон, о котором и говорить-то тогда запрещалось. В стихах же одна боль сливалась с другою. Впрочем, это дела давно минувших дней. С тех пор я много где побывал и много что написал, но память жива и неистребима...

И если обратиться к образу аиста как к вечному символу жизни, я бы не хотел, чтобы эта "белая птица с черной отметиной", несмотря на где-то внешнее сходство, стала птеродактилем нашего смутного времени.

А мать свое дитя

на берегу омоет,

И о звезде Полынь

расскажет сказку мать.

И в Лету поплывет венчик

и не потонет,

И вслед за ним другой...

Не повернуть им вспять.

Полынный привкус горечи одинаков – будь это трава-чернобыль или же степной емшан, но я бы хотел, чтобы атомная сказка о звезде Полынь имела счастливый конец, как любая сказка в мире.

По-иному смотришь на многие вещи и явления после Чернобыля. Так и хочется воскликнуть: как чудесно шелестит нерадиоактивная листва алматинских проспектов, как журчит чистый горный ручей, как встает солнце над горами! Но такая ли нерадиоактивная эта листва, так ли чист горный ручей?.. Родина великого Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова, места, где впервые встретились Федор Достоевский и Чокан Валиханов, до недавнего времени содрогались от подземных атомных взрывов, отвечая этим самым на взрывы в штате Невада.

Наше время – это время иного, нового мышления. Мы должны привыкнуть к тому, что даже безобидный поток нейтрино пронизывает нашу планету по имени Земля – до того она чиста и прозрачна. Каждый взрыв на ней и в ней не только регистрируется сейсмическими датчиками, но и отзывается болью и тревогой за будущее в наших сердцах и в наших душах.

Как-то после Чернобыля я пошел в горы и там, на берегу речки, вслушиваясь в ее шум, может быть, впервые ощутил себя частицей живой природы – как хрупка человеческая жизнь и все живое на этом свете перед теми могучими силами, которые мы, земляне, сами же вызвали к жизни, ибо мы еще только учимся ставить их на службу человечеству.

Помню, как почти 50 лет тому назад в прямой трансляции показывали по телевизору выход человека Земли на поверхность Луны. И в это же самое время, вечером, из полумрака комнаты я видел в окне этот вечный образ поэтов и влюбленных, и трудно было представить, что там, по этому светящемуся диску, бродит человек, наш современник, который своими

первыми шагами – не в стихах, а в реальной жизни – осваивает иную планету.

Жюль Верн позавидовал бы этому явлению!

Хвала человеческому гению, достигшему таких высот в деле освоения космической бездны. Но для нас, землян, во сто крат важней не КАК он оказался там, а с КАКИМИ помыслами ступил на эту лунную поверхность, на эту первую стоянку по пути к далеким звездам, на этот первый перевал в мировом космическом кочевье.

Понятия Война и Мир уже не могут существовать без эпитета "звездный".

Звездный мир или звездные войны?

С каким багажом жизни, с каким сознанием мы, земляне, выходим к звездам?

От всего этого зависит неоднозначный ответ на гамлетовский вопрос человечества.

И все же веришь, что сам многовековой опыт человеческой жизни поможет наметить пути положительного решения этого вопроса на стыке веков и тысячелетий.

II

Не забыть последний день февраля 1989 года – День рождения и в мыслях, и в последующих действиях всенародного антиядерного движения "Невада – Семей".

Конференц-зал Союза писателей Казахстана был слишком мал для собравшихся, а люди шли и шли, заполняли коридоры здания и прилегающую к нему площадь. Быть может, так, из еще неосознанного потока, людская масса преобразается в осознанное понятие – народ.

Народ, который по первому же зову поэта Олжаса Сулейменова собрался здесь, чтобы вместе со своим кумиром заявить: "Нет атомным испытаниям в Казахстане!".

А в августе 1991 года Указом Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева Семипалатинский ядерный полигон был закрыт.

В 1999 году я издал книгу начинающих поэтов "Я – жизнь".

Многие из авторов этого поэтического сборника были в тот исторический день там, вместе со своим народом-читателем. И поэтому закономерно, что этот сборник, эта поэтическая книга посвящена десятилетию движения "Невада – Семей". Сами стихи, возможно, напрямую не связаны с антиядерной темой, но в том, что и авторы, и их творчество освобождены от парализующего страха перед грядущей атомной катастрофой, освобождены благодаря последнему дню февраля 1989 года, есть глубинная, генетическая связь между поэтической книгой "Я – жизнь" и жизнеутверждающими принципами движения "Невада – Семей".

И эти принципы в наше время, когда стыкуются века и тысячелетия, берут верх над цепной реакцией разрушения.

Вспоминаю свои стихи того периода. Если бы не движение "Невада – Семей", вряд ли они увидели бы свет.

ПЛАЧ СМУГЛОЙ ЛУНЫ

Ночь перед взрывом подземным,
знаю, что скорби полна.

В ночь перед взрывом я вижу –
смуглая плачет луна.

Слезы ее золотые
в радиоактивном стогу.

Как на рентгеновском снимке
аул, что на том берегу.

В недрах горы Дегелена смерть
из туннеля сквозит.

Снег радиации пеплом вне зоны
запретной лежит.

Землю ли судорога сводит,
иль человеческий стон? –

Это не миф и не эпос,
это и есть полигон.

Да, близок был сердцу Чернобыль,
в нем мертвые видел дома,

Чабанскою псиною взвыть бы
на звезды с родного холма.

И – не сойти с ума.

г. Курчатова,

Семипалатинский полигон

А когда-то, в 1975 году, мой учитель Олжас Сулейменов подарил только что вышедшую книгу "Аз и Я", которая стала научным бестселлером "от Москвы до самых до окраин". Подарил с надписью "Бахытжану, с надеждой на твои успехи!". Я и возил ее всюду, по городам и весям, зачастую этимологически сверяя названия мест и ландшафта от Иртыша до Дуная в то далекое время, а в настоящее – от Японии до Мексики. И у меня на одном из привалов мирового кочевья ее "взяли" без спроса и, разумеется, не вернули. Это и понятно, ибо в то время цена этой книги на книжном базаре нашей великой империи Страны Советов зашкаливала за стоимость автомобиля. Но у меня, как у букиниста со стажем, была еще одна книга "Аз и Я" этого же года издания, но, к глубокому сожалению, без дарственной надписи Уста – Учителя. О чем я с долей грусти сказал в 1996 году, в день его шестидесятилетия.

Олжас-ага, Олжас Омарович Сулейменов, не раздумывая, подписал на втором экземпляре – "Бахытжан, в 75-м я писал: "С надеждой на твои успехи", сегодня – "поздравляю с Успехом".

Олжас Сулейменов,

20 мая 1996 года

Но Бог с ними, с успехами. Сейчас речь о Книге, без познания которой моя творческая судьба была бы далеко не полной, да и не было, возможно, этих

самых успехов, отчасти приятных для любого поэта или писателя.

Не буду вдаваться в подробности судьбы этой книги. Они общеизвестны. Остановлюсь на главном для себя и многих других. Главном на нынешний момент – по времени и пространству.

По Олжасу, по его "Аз и Я", есть понятия "макропоэзия" и "микропоэзия". Как утверждает мой Учитель, первая – это мифы, геометрия, астрономия, геология, физика. Она облекает в плоть слова – понятия неосязаемые, взглядом неохватные. Обожествление символов развивает искусство, духовную культуру человечества. Микропоэзия – производитель вещи. Мать техники. Она выращивает из семени символа не древо познания добра и зла, а обыкновенное дерево. Делая утилитарными знаки, созданные макропоэзией, превращает их в предметы. Модель Вселенной превратилась в практическое колесо. В каждой культуре ощутимы последствия взаимодействия этих двух главных направлений. Далее Учитель подчеркивает, что пытаясь определить назначение точки, макропоэты приходят к идее Первого человека. Они называют точку древнесемитским числительным Ахтум – первый. В Египет вернется первым мужчиной Атум, родится в индоиранской среде Адам. Микропоэты придут к осознанию мельчайшей частицы материи – Атом. И впервые поделят Атом пополам египтяне в мифе о происхождении человека.

"Я верю, – пишет Учитель, – что в далеком будущем появятся этимологические словари, в которых происхождение слова будет связываться с письменным знаком. Я не оговорился, именно – "в далеком", ибо бесконечно прав Эйнштейн, когда однажды воскликнул в отчаянии: "Легче разложить атом, чем предрассудок!"

Новые технологии, нефтебизнес и энергоносители, глобализация экономики превратили нас внешне в один мир, но нас разделяли и разделяют консерватизм различных религиозных конфессий, культуры и этнические традиции. И наша задача, наша цель – находить общие для всех земель точки соприкосновения, общие в силу нравственности и самих этических норм, которые за многие столетия выработало человечество. И здесь не должно быть перекоса в ту или иную сторону, ибо любой такой перекокс нарушает устойчивость в межнациональных, экономических, общественно-культурных отношениях.

Видя ежевечерне на телеэкране кровь невинно убитых и раненых юго-востока Украины, жертвы и разрушения с той и с другой стороны на единых когда-то землях Дешт-и-Кипчака, слыша из уст бесстрастных дикторов имена и названия местности – Азов, Майдан, Донец, Беркут, Айдар, Саур, Карачун, Аксу, понимаешь – разумом, душой и сердцем, – что все эти наименования из эпохи "Слова о полку Игореве", Калки, Каялы. И быть может, совсем по-иному могла бы сложиться нынешняя ситуация, если бы книгу Олжаса Сулейменова "Аз и Я" начали изучать еще в те самые 70-е годы прошлого столетия.

Постигая ее живые страницы на молекулярном уровне.

Вынашивая для будущего те самые атомы взаимопонимания.
Выстраивая на века и столетия этимологию духа.
Как знать...